

ПОЛИЛИНГВИЗМ РОМАНА УВЕ ЙОНЗОНА «ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ ОБ АХИМЕ»

Герои Уве Йонзона живут в политизированном мире, разделенном холодной войной. Их политические пристрастия и жизненные ориентиры выражаются через язык. Наиболее явным «маркером» их убеждений становятся заимствования из русского, французского и английского, активно входящих в языковую ткань романа.

Ключевые слова: немецкая литература, автор, повествователь, холодная война, заимствование, калька, диалектизм.

Лауреат литературных премий Фонтане и Георга Бюхнера У. Йонзон (1934 - 1984) “принадлежит к тем художникам, масштаб которых возрастает с ходом времени и сменой обстоятельств” [1: 149]. Его романы с усложненной структурой, множеством пересекающихся речевых потоков, повествовательных позиций и точек зрения не раз ставился исследователями на место писателя “предпостмодернистского” [2]. Герой Йонзона “отчуждается” от собственной жизни, втягивается в “чужую игру”, лишается слова, становится лишь “точкой преломления” чуждых взглядов и мнений. Речевые потоки “вьются” вокруг него, чему способствует форма романов. “Предположения о Якобе” - роман, строящийся в форме судебного расследования загадочной смерти главного героя, заподозренного в сотрудничестве со штази, где о Якобе рассуждают все, кроме, естественно, него самого. “Третья книга об Ахиме” - попытка западного журналиста написать книгу о выдающемся спортсмене из Восточной Германии и сбор материала для нее, где основные повествователи - Карш и его бывшая жена, ныне любовница Ахима, Карен, а разговоры с самим велогонщиком воспроизводятся, часто, в пересказе других героев. “Дни года”, казалось бы, дневниковые записи, однако они наглядно показывают, насколько невозможно для рядового человека в ситуации противостояния систем мыслить самостоятельно, в этот дневник включаются газетные вырезки, пересказанные отрывки диалогов, телерепортажи и т.д.

В трех крупных романах У. Йонзона образ родины деформирован: она одновременно страшная и желанная, ужасающая и утраченная. Сквозная тема Йонзона - судьба человека, обреченного на бегство (эмиграцию) и лишеного родины противостоянием политических систем в холодной войне. Сам себя он называл “узким специалистом в вопросах разделения” [1: 153] Германии, однако мир Йонзона огромен, политика в нем делается не на границе Восточного и Западного Берлина, а гораздо дальше. Это мир дуполярный: антагонизм Востока и Запада - не немецкая проблема, Германия лишь стала полем борьбы интересов СССР и США и стоящих за ними союзов (Варшавского договора 1955 и НАТО 1949, соответственно).

Конкретной точкой давления этих “удаленных центров” (Москвы и Вашингтона) является “маленький человек”. Жертвами политики становятся люди, от политики бесконечно далекие. Йонзон не ставит плюсов и минусов, он лишь показывает столкновение в равной мере враждебных человеку систем. Механизмы несвободы различны, но и та и другая система поработает. Человек и государство взаимно относятся друг к другу с недоверием, как говорит один из персонажей романа о Якобе: “Нельзя раньше времени разграничивать понятия “гражданин государства” и его враг” [3: 82].

Едва ли не самым известным текстом Йонзона остается его первый роман “Предположения о Якобе” (1959). После смерти железнодорожного рабочего все, кто знал его при жизни, вспоминают обстоятельства его последних месяцев. Выясняется, что он был втянут в операцию советских спецслужб по наблюдению за его сводной сестрой (предположительно работавшей на капиталистические разведки), должен был вслед за ней уехать на Запад, но, выйдя из-под контроля спецагентов, вернулся, после чего и попал странным образом под поезд.

Человеческая жизнь оказалась брошена под колеса истории - метафора, прямо реализованная в тексте. Человек уничтожен не во имя счастья семьи, спасения дома, независимости государства, он раздавлен противостоянием систем, одинаково ему, по Йонзону, чуждых.

Советский Союз и США - два “монстра”, которые зримо в романах не присутствуют, но постоянно “дают” на персонажей через политику, осуществляемую в двух частях Германии. Соответственно, те, кто связаны с Россией и Америкой, кто является представителем их интересов и ощущает на себе часть их силы и “покровительства”, стремятся к тому, чтобы дистанцироваться от окружающих, подчеркнув эту свою связь с метрополией. В романе о Якобе таких героев два: Гезина - переводчица с английского, сбегавшая на Запад и мечтающая об Америке, и Рольфс - секретный агент, ведущий операцию по вербовке Якоба. Свою приверженность “системе” они подчеркивают активно проникающими в текст иноязычными вкраплениями, и язык становится одним из важнейших показателей их политической ориентации. Язык демонстрирует, как макрополитика деформирует жизнь и сознание конкретного человека.

Гезина пользуется английским и французским. Эти языки, для нее, разделены по сфере употребления. Отдельные французские слова попадают в ее речь, когда она рассказывает кому-либо из слушателей об обстоятельствах своего возвращения в Йерихов к приемному отцу (Кресспало) и Якобу. “Chauffeur”, “Ch?!”, появляются в ее речи как признаки реальности, лишь изредка деформируясь под воздействием “смешения языков” в сознании (“Shawl” возникает, когда она прожила в Йерихофе некоторое время). Франкофония - часть описываемого мира (Западная Европа, из которой она временно вернулась). Французский - бытовой язык, не моделирующий сознание. Сама Европа - только часть того полюса, над которым довлеют Штаты. Цитадель английского языка - желанный и пока запретный мир, воплощающий для нее иную жизнь, иное бытие. Английский - часть ее потока сознания. Английские слова и фразы пишутся без кавычек и выделения знаками препинания (которыми Йонзон вообще часто пренебрегает), даже когда они приписываются в ее мыслях кому-то из реальных или воображаемых персонажей. Характерно, что в устной речи она английским не пользуется, то ли потому, что “вражеский” язык может выдать ее на территории ГДР, то ли потому, что он напомнит ее

домашним о вынужденном расставании, о том, что встреча с госпожой Абс больше уже невозможна, а с Гезиной - опасна и противозаконна.

Рольфс, в отличие от Гезины, грезящей Западом, служит своим Восточным хозяевам. Соответственно, его речь пестрит русскими словами и фразами. В речи Рольфса выделяется два типа заимствований: 1) кальки и 2) использование русских слов. Кальки: “der Aufbau des Sozialismus” (строительство социализма), “die Sache des Sozialismus” (дело социализма), “Fünfjahrplan” (план пятилетки), “sozialistische Moral” (социалистическая мораль), “Schaukeln der Birkenzweige” [3: 129] (покачивания березовых ветвей) и т.д. активно используются им в речи, если не публичной, то предполагаемой к прочтению и прослушиванию. Они маркируют “приверженность” социалистической власти, социалистическому лагерю, СССР. Они создают тот специфический официозный язык, которого никак не может понять главный персонаж второго йонзоновского романа - Карш. Хотя он сам журналист, но “язык <Восточных> государственных газет... не понимал” [4: 24].

Русским восточные немцы в романах Йонзона оперируют как языком избранных. Отдельные русские слова и фразы призваны продемонстрировать особый статус их носителя. “Tschelowek! Sto gram!” [3: 254], “schto lutschsche tschewo” [3: 179], “Nemezki Kamrad” [3: 127] - появляются, чтобы унижить собеседника, внушить ему чувство страха или неловкости, продемонстрировать снисходительно-покровительственное отношение или просто показать, что тема исчерпана и дальнейший разговор смысла не имеет.

Очень часто в этих эпизодах Рольфс предстает не только страшным, но и смешным. Учитывая, что транскрипция ассоциируется с акцентом, Рольфс явно говорит на языке, которого не знает, копируя иногда слышанные слова, а иногда “протяжную манеру русских” [3: 255]. Более того, часто делает ошибки (“dlja weschtschi sozialisma!” вместо “ради <во имя> дела...”). Этим он принципиально отличается от Гезины, говорящей на английском, передаваемым в романе именно английским, а не немецкой транскрипцией, и от французского, который, в зависимости от ситуации, у Гезины появляется в двух способах передачи (французские слова в речи и Рольфса, и Йохе передаются при помощи транслитерации).

Степень “открытости” сверхдержавы очевидна из сравнения сфер, в которых появляются заимствования. Английский текст активно проникает в роман Йонзона в качестве звучащих по радио отрывков передач, услышанных в поезде диалогов, воображаемых героями ситуаций, когда они вынуждены будут, приехав к месту назначения, задавать вопросы о том, как добраться до той или иной точки города. Русский используется в письменном виде - надписи на памятниках советским воинам, заголовки газет, специально используется персонажами-немцами с целью демонстрации своей власти, звучит в военных воспоминаниях при встрече с реальными носителями языка.

Активное проникновение в немецкий роман других языков показывает, насколько единым и небольшим стал мир в послевоенную эпоху, как тесно связаны в нем события и люди. Опасности вавилонского строительства в разгар холодной войны все более реальны, и языковая игра в романе Йонзона демонстрирует эту потенциальную угрозу.

Полилингвизм нового мира фиксируется и в зрительном образе страны. Йонзон, как пишет Г. Цеем, “сторонится внутреннего, ощупывает контуры... Прежде всего бросается в глаза, что не человек - цель и радость его описания, а вещь” [5: 33 - 34], его герои “гости в чужой стране” [Там же]. Европа, описанная Йонзоном, мир, на глазах теряю-

щий историю, культуру, свободу и самобытность. Памятники архитектуры затягиваются плакатами: рекламными – по одну сторону границы, политическими - по другую. Вне зависимости от страны и ее истории, Запад одинаково рекламирует Пепси, а Восток – ценности социализма. Европа, затянутая либо красно-синим, либо красным, одинаково лишена своего лица и своего слова. Не только Карш, приехавший ради своей книги из ФРГ в ГДР, но и те многочисленные персонажи, которые никуда не уезжали, живут с ощущением утраты дома. ГДР выглядит как прорусская страна: русские автомобили, русские памятники, русские газеты. Йерихоф, в котором происходит действие романа о Якобе, - уникальный пример того, в какую невероятную смесь соединились приметы довоенного немецкого быта и привнесенного русского. Рядом стоящие памятники: героям 1870/71 и героям Второй мировой - подчеркивают это соседство. Германия - сама по себе, вне чуждого влияния - жива только памятью. Памятью культурной, военной. Современная ГДР представляет запутанную картину, в которой соединяется “свое” и “чужое”, заимствованное с Востока и вожденное с Запада. Главная достопримечательность немецкой провинции, в описании Йонзона, кладбищенская стена. Причем слова на памятнике немцам, павшим во Франко-Прусской войне, не читаются, а кирпичная колонна с надписью “Wetchnaja slawa Gerojam krasnoj armii pawschim w borbe sa swobodu i nessawissimosj naschej rodinz 1941 - 1945 god” [3: 85], напротив, превращается в центральную точку города. В свойственной Йонзону манере приметы не складываются в целостную картину. О значимости предмета говорит полнота его описания (сравним: 1870/71 или 1941 – 1945 god).

Вещи в романах Уве Йонзона – индикатор жизни. “Поэтикой догадок” [6: 389] называет эту художественную манеру Йонзона И. Млечина. “Запутанность его повествовательной манеры рождается из стремления глубоко проникнуть в запутанность объекта художественного познания, который он должен “распутать”” [1: 148], - поясняет П. Топер. “Читатель ... постоянно наталкивается на загадки, в прояснении которых может полагаться только на самого себя, на свое внимание и умение сопоставлять разные версии” [7: 82], - пишет Е. Соколова. При такой принципиальной установке на неполноту и неясность, приметы русского влияния, разбросанные по роману, даже избыточны. Русское проникло в быт героев: банка на кухне у Кресспаля; стало отличительной характеристикой “людей власти”: серый костюм Рольфса; массивовано заполнило улицы городов: “Машина vom Тур Pobeda свернула в проезд и остановилась рядом со столбом, на котором висел план автобусных маршрутов” [3: 186]; стало определяющей довлеющей настроение: ““Rukiwwerch!” , кажется, кричит каждое дерево” [3: 189].

С другой стороны, в немецкую действительность активно проникает образ Западного мира, приобретающий у Йонзона едва ли не еще более ясные и еще более критические очертания. В “Предположениях о Якобе” это названия отелей, где останавливаются герои, марок вещей, к которым они стремятся, радиостанций, которые они слушают. В “Третьей книге об Ахиме”, где Карш приезжает в ГРД в Западе, это полноценный образ унифицированной проамериканской цивилизации, в которой стерты национальные черты, в которой везде, как дома, а дома, как везде. Йонзон характеризует нарастание примет американско-европейского мира как симптом обезличивания. Вращенный Западной цивилизацией Карш “действительно хотел исходить из сходства всех городов мира, которые так сильно походили друг на друга рекламными растяжками на зданиях, содер-

жанием витрин, формой автомобилей и обращением к официантам” [4: 22]. Носитель корпоративного сознания, он воспринимает ГДР как “старческую” [4: 113] страну, не столько по составу населения, сколько по связи, которая существует в ней между поколениями и которая в ФРГ разрушена. Новый мир несет новые проблемы: в ФРГ стерты лица, мелкие производители поглощены пятью-шестью концернами, стандартно одевающими, кормящими, перевозчиками весь мир и одинаково закрывшими своими рекламными баннерами и архитектурные шедевры и серые многоэтажки. Семейные традиции, так же, как и государство и нация - устаревшие и отброшенные цивилизацией понятия. Полное отсутствие национальных черт и национальной идеи компенсировано интересами прибыли, оптимизации и модификации.

Человек живет между двух полюсов: с одной стороны - страшно, с другой – обезличенно и обездушено.

Наконец, еще одна сфера, где Йонзону необходимо многоязычие: историческая. И в “Предположениях о Якобе”, и в “Третьей книге об Ахиме” прошлое героев связано с событиями Второй мировой войны и встречавшимися на их пути русскими (солдатами).

По контрасту с американскими оккупантами, после которых пришли, русские в “Третьей книге об Ахиме” выглядели дикими: они приехали на подводах, были грязными и неухоженными. Они не стремятся особенно вмешиваться в немецкие дела, держатся обособленно и позволяют местным жителям налаживать свой быт по собственному усмотрению. Различия незначительны и преимущественно внешни. Жизнь одинаково мало ценится и американцами и русскими. Показательный пример: разрешение делать аборт, если зачатие пришлось на момент американской оккупации. С другой стороны, на судьбу главного героя влияет общение с одним русским солдатом, который не только, уходя, оставил ему свой велосипед, но и выучил простым человеческим словом: “Bolit”, “Weselo”, “Spassiwo” [3: 151 - 152]. Он – единственное лицо, данное крупным планом, из всех военных воспоминаний будущего великого велогонщика.

Несмотря на то, что предметом описания Йонзона в романе является мир в состоянии холодной войны, в котором совершенно очевиден процесс давления, манипуляции, слежки, тотальной зависимости человека от государственной машины, симпатии автора не отданы ни Востоку, ни Западу. Этот мир говорит на многих языках, но постепенно утрачивает свой собственный. Заимствования в нем – процесс политический, а не жизненно необходимый. И мир, и язык деформируются под влиянием холодной войны. И социалистическая Германия, и «свободная» ФРГ в равной мере утрачивают свое историческое лицо. Человек – пострадавшая сторона при любой системе. А потому и персонажи, связанные в романе с этими режимами, выделены из числа живущих каждодневными нуждами и простыми чувствами людей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Топер Павел Максимович.* Уве Йонзон / Павел Максимович Топер // Иностранная лит. - М., 2003. - № 9 - С. 147 - 149.
2. Uwe Johnson zwischen Vormoderne und Postmoderne / Hrsg. von Carstel Gansel, Nicolai Riedel. - Berlin; New York: de Gruyter, 1995. - 352 S.
3. *Jonson Uwe.* Mutma?ungen ?ber Jakob / Uwe Jonson. - Leipzig: Suhrkamp, 1998. – 312 S.

4. *Jonson Uwe* Das dritte Buch ?ber Achim / Uwe Jonson. - Leipzig: Suhrkamp, 1997. - 300 S.

5. *Zehm Paul*. Ausruhen bei den Dingen / Paul Zehm // Uwe Johnson Fr?hwerk im Spiegel der deutschsprachigen Literaturkritik: Dokumente zur publizistischen Rezeption der Romane "Mutma?ungen ?ber Jakob", "Das dritte Buch ?ber Achim" und "Ingrid Babendererde" / Hrsg. von N. Riedel. - Bonn: Bouvier, 1987. - S. 33 - 40.

6. *Млечина Ирина Владимировна*. Уве Йонзон / Ирина Владимировна Млечина // История литературы ФРГ. - М.: Наука, 1980. - С. 385 - 391.

7. *Склярова Екатерина*. Поперек путей / Екатерина Склярова // Иностранная лит. - 2008. - № 2. - С. 81 - 84.

Стаття надійшла до редакції 24.07.13

Сейбель Н., доктор філол. наук, доцент,
Челябінський педагогічний державний університет, Челябінськ
Росія

ПОЛИЛИНГВИЗМ РОМАНА УВЕ ЙОНЗОНА «ЗДОГАДКА ПРО АХІМ»

Герої Уве Йонзона живуть у політизованому світі, розділеному холодною війною. Їх політичні вподобання та життєві орієнтири набувають виразності через мову. Найбільш виразним «маркером» їх переконань стають запозичення з російської, французької та англійської, що активно входять у мовне оздоблення роману.

Ключові слова: німецька література, автор, оповідач, холодна війна, запозичення, калька, діалектизм.

Seibel N., PhD, associate professor,
Chelyabinsk State Pedagogic University, Chelyabinsk
Russia

BORROWINGS FROM DIFFERENT LANGUAGES IN THE NOVEL "MYSTERY ABOUT AHIM" BY UVE YONSON

The characters of Uwe Johnson live in a politicized world separated by the cold war. Their political affiliations and life guiding points are expressed through the language. Borrowings from such languages as Russian, French and English which are widespread in the novel are the most explicit «markers» of character's convictions.

Key words: German literature, the author, the narrator, the cold war, a borrowing, a dialect, an acquired meaning, a loan translation